въ пересмотрѣ. Даже ортодоксальнѣйшіе изъ догматиковъ вынуждаются сплошь и рядомъ къ признаніямъ въ родѣ того, которое было сдѣлано Каутскимъ на ганноверскомъ партейтагѣ: „Я признаю, что аграрныя отношенія не развиваются по тому же самому шаблону, какъ индустріальныя. Я признаю также, что во время составленія эрфуртской программы мы во многихъ отношеніяхъ держались иныхъ мнѣній по вопросамъ аграрной эволюціи, чѣмъ нынѣ. Съ тѣхъ поръ явилась масса статистическихъ данныхъ, да и самыя условія такъ перемѣнились, что намъ приходится во многихъ отношеніяхъ думать иначе, чѣмъ прежде. Но въ этомъ нѣтъ для насъ никакого позора — напротивъ, намъ дѣлаетъ только честь тотъ фактъ, что мы считаемся съ перемѣной въ обстоятельствахъ. И я говорю совершенно открыто: если бы намъ теперь еще разъ приходилось редактировать нашу эрфуртскую программу, то я, вѣроятно, предложилъ бы по отношенію къ аграрному вопросу другую формулировку". Эти слова имѣютъ особенно большое значеніе въ устахъ Каутскаго, этого духовнаго отца эрфуртской программы. Не менѣе характерно признаніе редакціи главнаго теоретическаго органа нѣмецкой социалъ-демократіи, „Die Neue Zeit". „Изъ выводовъ, къ которымъ пришли Марксъ и Энгельсъ на основаніи своего научнаго метода, *нѣкоторые рухнули; и по отношенію къ еще большему числу доказана была бы ихъ отсталость*, если бы безнадежный натискъ на научный методъ марксизма, къ сожалѣнію, не привелъ къ тому, что изъ-за отпора этимъ безплоднымъ нападкамъ не попала въ непріятное положеніе истинно благотворная и прогрессивная критика духовнаго наслѣдства Маркса и Энгельса". Наконецъ, переходя въ еще болѣе отвлеченную область, въ область общественной философіи марксизма, будетъ нелишнимъ припомнить одно изъ признаній Фр. Энгельса. „Въ томъ, что наше младшее поколѣніе порою въ большей степени, чѣмъ слѣдуетъ, переносило центръ тяжести на „экономику", я и Марксъ виноваты отчасти сами. Въ противовѣсъ нашимъ противникамъ, намъ приходилось особенно подчеркивать главный отрицаемый ими принципъ, и потому мы не всегда имѣли достаточно времени, мѣста и поводовъ отдать должное остальнымъ моментамъ, принимающимъ участіе во взаимодѣйствіи".. „Къ тому же, слишкомъ часто, къ сожалѣнію, случается, что люди воображаютъ, будто совершенно постигли новую теорію и могутъ безъ дальнѣйшихъ околичностей примѣнять ее къ дѣлу, въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ едва усвоили ея основныя положенія, да и то не совсѣмъ вѣрно. И я не могу освободить отъ этого упрека нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ „марксистовъ", ибо въ этомъ отношеніи ими допускались удивительныя вещи"...



Достаточно подумать о томъ, какое огромное значеніе имѣютъ хотя бы эти, наудачу выбранныя признанія, чтобы оцѣнить по достоинству прочувствованныя слова ветерана нѣмецкой социалъ-демократіи, Бебеля: „У насъ никакихъ догмъ и потому никакихъ судовъ надъ еретиками. Право свободной критики есть постулатъ, о которомъ намъ спорить не приходится. Критика можетъ быть намъ непріятна; критика всегда непріятна, ибо ни отдѣльные люди, ни партіи не мѣняютъ своихъ программъ съ сегодняшняго дня на завтрашній. Долженъ оказаться на лицо цѣлый рядъ обстоятельствъ, прежде чѣмъ сужденіе человѣка — а тѣмъ болѣе массы людей — восприметъ поправку. Но свобода критики есть нашъ жизненный принципъ; это — воздухъ, безъ котораго мы не можемъ существовать".

Статья „Міровой ростъ и кризисъ соціализма"*) имѣла, между прочимъ, цѣлью отмѣтить тѣ стороны соціалистической системы, наиболѣе популярной въ послѣднее время, которыя подверглись болѣе или менѣе основательной критикѣ и сомнѣнію, и тѣ, которыя являются непоколебленнымъ вкладомъ въ теорію соціализма. Такъ называемый „экономическій матеріализмъ" подвергается цѣлому ряду ограниченій въ трудахъ самого основателя ученія — Энгельса и его послѣдователей,

*) Эта статья входитъ въ серію нашихъ изданій.

*Прим. редакціи.*